В ДОМЕ МАСТЕРА

Мир Сергея Эйзенштейна

музей кино

IN THE MASTER'S HOME

The World of Sergei Eisenstein

УДК 7.071.2
ББК 85.37
В11

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы

В11 В Доме Мастера. Мир Сергея Эйзенштейна. Авт.-сост.: В. Румянцева-Клейман. — М.: ООО ТД «Белый город», 2018. — 368 с.: ил.

ISBN 978-5-00119-011-0
КН-Э-18-033359

Дом Сергея Михайловича Эйзенштейна был его творческой лабораторией. Здания, где он жил, уже нет, но вещи Мастера, сохраненные его вдовой, вошли как составная часть в фонд Государственного центрального музея кино. Альбом «В Доме Мастера. Мир Сергея Эйзенштейна» представляет личность и творческий путь великого режиссера в новом ракурсе — через «смонтированную» им в домашнем пространстве коллекцию предметов, книг, фотографий, произведений изобразительного и прикладного искусства разных стран и эпох. О многих из этих вещей читатель узнает впервые. Их изображения дополнены биографическими фото, кадрами фильмов Эйзенштейна и хроникальными кадрами его московской квартиры. Визуальный ряд книги поясняется популярно написанным, но научно выверенным текстом Веры Румянцевой-Клейман, хранителя фонда Эйзенштейна в Музее кино. Книга адресована широкому кругу читателей — от старшеклассников до специалистов в области культуры.

ISBN 978-5-00119-011-0
КН-Э-18-033359

© В. Румянцева-Клейман, составление и текст, 2018
© Н. Рябчикова, перевод на англ. яз., 2018
© ООО ТД «Белый город», дизайн, макет, 2018
© ФГБУК «Государственный центральный музей кино», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ЭЙЗЕНШТЕЙН.....6

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ. Рига — Петроград, 1898—1917.....15

ЧИСТЫЕ ПРУДЫ. Москва, 1920—1929.....45

СТРАНСТВИЯ. Европа — США — Мексика, 1929—1932.....89

НЕСНЯТЫЕ ФИЛЬМЫ. Москва, 1932—1935.....165

ДОМ. ПОТЫЛИХА. Москва, 1935—1941.....183

ГОРОД СНОВ. Алма-Ата, 1941—1944.....257

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ. Москва, 1944—1948.....277

ПРОДОЛЖЕНИЕ. 1948—2018.....297

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.....321

CONTENT

OUR EISENSTEIN.....6

CHILDHOOD AND YOUTH. Riga — Petrograd, 1898—1917.....15

CHISTYE PRUDY. Moscow, 1920—1929.....45

TRAVELS. Europe — United States — Mexico, 1929—1932.....89

THE UNMADE FILMS. Moscow, 1932—1935.....165

THE HOME. POTYLIKHA. Moscow, 1935—1941.....183

THE CITY OF DREAMS. Alma-Ata, 1941—1944.....257

THE HOMECOMING. Moscow, 1944—1948.....277

THE CONTINUATION. 1948—2018.....297

INDEX.....321

НАШ ЭЙЗЕНШТЕЙН

OUR EISENSTEIN

1

Так же мы говорим: «наш Пушкин», «мой Пушкин». Художник — не небожитель, взирающий сверху. Он, «пророк в своем отечестве», бывает понят не всеми и не сразу, но разделяет и осмысливает переживания людей в большом историческом времени. Поэтому и мы, в наше время, начинаем чувствовать родство с ним, «радость узнаванья».

В жизни и в творчестве такой мастер не принижает других, а, наоборот, поднимает до своего уровня. Именно об этом качестве говорили ученики Эйзенштейна, вспоминая занятия с ним.

Сергей Михайлович нередко приглашал учеников домой. Его жена и друг Пера Аташева сумела в непростые годы после его кончины сохранить не только рукописи, рисунки, документы Эйзенштейна, которые образовали самую большую личную коллекцию среди архивов деятелей литературы и искусства нашей страны. Она сохранила дух его дома и делилась знаниями с именитыми друзьями и скромными коллегами, аспирантами и студентами. Ее скромная квартира стала центром изучения творчества Эйзенштейна. В 1965 году, когда Перы Моисеевны не стало, Правление Союза кинематографистов СССР приняло решение создать на основе личных вещей и библиотеки Эйзенштейна Научно-мемориальный кабинет — Дом Мастера. В нем за полвека побывало несколько поколений кинематографистов, исследователей и деятелей искусства со всего мира. И Мастер — через собранные им книги и вещи, через фильмы и тексты — продолжает отвечать на вопросы ученых, давать творческий импульс новым кинорежиссерам, откры-

In the same way, we refer to "our Pushkin" or "my Pushkin." An artist is not a divine being looking down at us from above. He is a "prophet in his own country", and is often understood not by everyone and not immediately, but he shares and makes sense of people's feelings in an expanded historical time. That is why, in our own time, we begin to feel an affinity with the artist, a "joy of recognition."

In his life and in his creative output such a master does not belittle others; on the contrary, he elevates them to his own level. This was the quality that Eisenstein's students mentioned when they remembered their studies with him.

Sergei Mikhailovich Eisenstein often invited his students home. His wife and friend Pera Atasheva, during the difficult period after his death, managed to preserve not only Eisenstein's manuscripts, drawings, and documents, which formed the largest personal collection of all the archives of the literary and artistic figures of our country. She preserved the spirit of his house, and shared her knowledge with both prominent friends and rank-and-file colleagues, with graduate and undergraduate students alike. Her humble apartment became a center for research into Eisenstein's creative work. In 1965, after the death of Pera Moiseevna, the Board of the Soviet Union of Filmmakers decided to organize, on the basis of Eisenstein's personal possessions and library, a Scientific-Memorial Cabinet — The Master's House. Over the next half-century, several generations of filmmakers, scholars, and artists from all over the world have visited it. And the Master, through the books and the objects that he had accumulated, through his films and texts, has

Первый московский адрес Эйзенштейна* — Чистопрудный бульвар, 23. В этом доме, в коммунальной квартире на втором этаже, Сергей Михайлович жил с 1920 по 1935 год (2)**.

Затем он получил отдельную квартиру в доме на Потылихе, который был построен для сотрудников «Мосфильма» (3). Э. жил в угловой квартире на четвертом этаже слева. Дом был снесен в 1950-е, когда прокладывали Мосфильмовскую улицу.

В годы войны С.М. со студией эвакуировался в Алма-Ату. В 1942 году документалисты сняли, как Э. начинает работу над фильмом «Иван Грозный» и завершает статью о Чарлзе Чаплине и его сатире «Великий диктатор»: наше кино и в тылу сражалось с нацизмом. Специально для съемок хроники на киностудии обустроили «уголок квартиры Э.» (1) — в его реальной алма-атинской комнатке группа с кинокамерой не умещалась.

После кончины С.М. в 1948 году Пера Моисеевна Аташева перевезла его вещи, книги и архив в квартиру на первом этаже старого домика во дворе доходного дома № 17 по Гоголевскому бульвару (4).

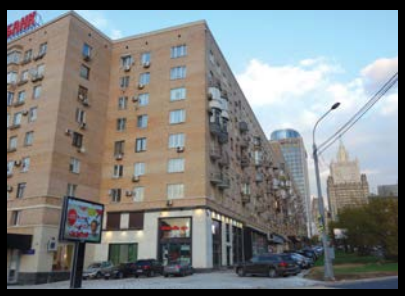
В 1962 году мемориальный комплекс Дома Мастера переехал в новый дом на Смоленской улице (5).

* Далее в подписях к иллюстрациям фамилия Эйзенштейн обозначена как Э., а Сергей Михайлович — как С.М.
** Порядковым номером обозначена фотография, к которой относится текст.

2

3

4


5

Eisenstein's first Moscow address* was No. 23 Chistoprudnyi Boulevard. E lived in this house, in a communal apartment on the second floor, from 1920 to 1935 (2)**.

After that, he received a separate apartment in the house on Potylikha Street, which was built for the employees of Mosfilm Studios (3). E lived in a corner apartment on the fourth floor to the left. The house was demolished in the 1950s, when Mosfilmovskaya Street was laid out.

During the war, S.M. was evacuated to Alma-Ata together with the entire studio. In 1942, documentary filmmakers shot E beginning work on the film *Ivan the Terrible* and finishing the article about Charles Chaplin and his satire *The Great Dictator*: our cinema fought Nazism on the home front. A "corner of E's apartment" was built at the film studio especially for the filming of this newsreel (1): the film crew would not fit in his actual room in Alma-Ata.

After E's death in 1948, Pera Moiseevna Atasheva transferred his belongings, books, and archive to an apartment on the first floor of an old house in the courtyard of an apartment building, No. 17 on Gogol Boulevard (4).

In 1962, the memorial complex of the Master's House moved to a new building on Smolenskaya Street (5).

* Hereafter in the captions, Eisenstein is designated as E.
** The number indicates the illustration to which the text refers.

вать студентам тайны кино. Смотрит — когда строго, когда улыбаясь, — с портрета на книжной полке: «Здравствуйте, заходите. Что хотите узнать? С какой мыслью пришли?»

Сегодня, листая страницы этого каталога, в Дом Мастера приходите и Вы.

Это уже не квартира в доме № 54б по улице Потылиха возле «Мосфильма», где Эйзенштейн жил с 1935 по февраль 1948 года. Дом № 10 по Смоленской улице был построен в 1962 году. Здесь усилиями знаменитых деятелей искусства удалось «выбить» у Моссовета для вдовы великого режиссера двухкомнатную квартирку. Сюда Пера Моисеевна перевезла сохраненные ею книги и произведения искусства, домашнюю обстановку, а еще часть архива режиссера, которую она постепенно, по мере публикации, передавала в Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ, ныне РГАЛИ). Перевезла из обветшавшего домика на Гоголевском бульваре, куда вещи переехали в 1948 году. Тогда, после смерти Эйзенштейна, власти отказались устроить в трехкомнатной квартире на Потылихе музей, и «Мосфильм» распорядился освободить ведомственную площадь. Чтобы спасти мемориальные вещи и архив, Пера Моисеевна распродала и раздала почти всю обстановку квартиры родителей на Гоголевском и втиснула туда, насколько было возможно, вещи Эйзенштейна. Около половины книг (в основном единственные в СССР издания научной литературы на четырех языках) она передала в Государственную библиотеку имени В.И. Ленина, часть редких альбомов по искусству — в ГМИИ имени А.С. Пушкина. Вещи, не поместившиеся на Гоголевском, вдова отдала на сохранение своему брату и близким друзьям (большинство этих вещей было возвращено позднее — уже на Смоленскую). То, как Пере Моисеевне удалось — при гораздо меньшей площади на Гоголевском, а потом и на Смоленской — сберечь атмосферу Дома Мастера, удивляло и радовало соратников и учеников Эйзенштейна. Потому что квартира Сергея Михайловича на Потылихе была не просто жильем — это было (можно так сказать) еще одно произведение его монтажного искусства, не из кадров на пленке, а из подлинных и очень разнородных вещей в реальном пространстве. Творческое соединение стилей,

continued to answer questions from scholars, to provide inspiration to new filmmakers, to reveal the secrets of cinema for students. He gazes, sometimes sternly and sometimes smiling, from his portrait on a bookshelf: "Hello, come on in. What do you want to know? What question has brought you here?"

Today, by leafing through the pages of this catalog, you also enter the Master's Home.

It is no longer the apartment at No. 54b Potylikha Street near the Mosfilm Studios, where Eisenstein lived from 1935 to February 1948. House number 10 on Smolenskaya Street was built in 1962. Here, the efforts of famous artists managed to "wheedle" a two-room apartment out of the Moscow City Council for the great director's widow. To this apartment, Pera Atasheva moved the books, the works of art, and the household objects that she had preserved. A part of the director's archive was also transferred there, at first and then, as the documents were gradually published, moved to the Central State Archive for Literature and Art (TsGALI, now RGALI). She moved it all from a dilapidated little building on Gogol Boulevard, to which the things had been moved in 1948. At the time, after Eisenstein's death, the authorities refused to set up a museum in his three-room apartment on Potylikha, and Mosfilm ordered Pera Moiseevna to vacate the studio's housing. To save the memorial objects and the archive, Pera Moiseevna sold off and gave away almost all of the furniture of her parents' apartment on Gogol Boulevard and, to the extent possible, squeezed in Eisenstein's things. She donated about half of the books (for the most part, the sole existing copies of academic literature in four languages) to the Lenin State Library; some rare art albums were donated to the Pushkin Museum of Fine Arts. Eisenstein's widow lent some things that did not fit in the apartment on Gogol Boulevard to her brother and close friends (most of these things were later returned to the apartment on Smolenskaya). The way Pera Moiseevna managed to preserve the atmosphere of the Master's House — in the much smaller confines of the apartments on Gogol Boulevard and then Smolenskaya Street — surprised and delighted Eisenstein's colleagues and students. The fact was that Eisenstein's apartment on Potylikha had not been simply a living space: it had been, so to say,

эпох, культур в этом уникальном «предметном фильме» подтверждало черту Эйзенштейна, роднящую его с Пушкиным: ту самую «всемирную отзывчивость», которую подчеркнул Достоевский в 1880 году в речи по случаю открытия памятника Поэту.

Все, кто входил в дом, прежде всего изумлялись необычному для Москвы колориту. Свидетельства современников позволяют приобщиться к волшебному впечатлению от этой квартиры. Начиналась она с образа «ночи»: как рассказывал друг и биограф Сергея Михайловича Виктор Борисович Шкловский, в темной прихожей на черный потолок были наклеены звезды и луна, вырезанные из фольги. А дальше — полный контраст — гость попадал в сияющий солнечными тонами рабочий кабинет…

Подробные воспоминания о квартире Эйзенштейна оставила режиссер-документалист Эсфирь Ильинична Шуб:

«Вот его мастерская. Здесь начинается его деятельность.

Квартира Сергея Михайловича на Потылихе, недалеко от студии, отражала сущность его многообразных интересов. Вся обстановка говорила о неповторимом вкусе художника. Живая предметная характеристика.

Он любил свет — солнце. Его рабочий кабинет сразу давал ощущение, что тебя пронизывают теплые солнечные лучи.

Это создавалось общим ярко-желтым цветом стен комнаты и широким во всю стену окном, за которым был виден зеленый простор небольшого леса. На полу расстелены яркие дорожки. Во всю ширину окна — рабочий стол. На нем книги, рукописи, репродукции. Все, что ему нужно для работы. <…>

Мебель в рабочей комнате была светлая, металлическая, легкая, подвижная. И тут же старинное кресло, обитое малиновой тканью.

Он любил музыку. На фоне желтой стены ярко выделялся полированный рояль.

Он знал силу и прелесть сочетания цветов разных оттенков, разных фактур и разных плотностей. Рояль был покрыт китайской красной парчой, вышитой золотом. Всюду много статуэток, игрушек — вятских, мексиканских, негритянских и других. <…>

another work of his art of montage, created not out of film frames, but authentic and very dissimilar objects in real space. The creative mix of styles, eras, and cultures in this unique "film of objects" confirmed a trait that made Eisenstein akin to Pushkin: the "universal sympathy" that Dostoevsky spoke about in 1880 at the opening of the monument to the Poet.

All who entered that house were first of all amazed by its color-palette, which was unusual for Moscow at the time. The testimonies of contemporaries allow us to share the magical impression that the apartment produced. It began with the image of "night": as described by the friend and biographer of Eisenstein, Viktor Shklovsky, tin-foil stars and moon, were glued onto the black ceiling of the dark entryway. And then, in full contrast, the guest entered the study, shining with sunny tones…

Detailed reminiscences about Eisenstein's apartment were left by the documentary filmmaker Esfir' Shub:

"This is his studio. Here is where his activity begins.

Eisenstein's apartment on Potylikha, not far from the film studio, reflected the essence of his diverse interests. All the furnishings spoke of the artist's inimitable taste: a vivid characterization in objects.

He loved light and the sun. His study immediately gave the impression that you were being soaked in warm solar rays.

It was created by the general bright yellow color of the walls of the room and by the wide, wall-to-wall, window, which opened up onto the green space of a small wood. Colorful runner rugs were spread over the floor. The desk was as wide as the window. It held books, manuscripts, and reproductions: everything that he needed for his work. <...>

The furniture in the study was bright, metallic, light, and mobile. And right in its midst stood an antique chair, upholstered in crimson cloth.

He loved music. A polished grand piano stood out vividly against the yellow wall.

He knew the power and the charm of combining colors of different shades, different textures, and different intensities. The piano was covered with red Chinese brocade and embroidered with gold. There were many figurines and toys everywhere: toys from Vyatka and Mexico, African figurines, etc. <...>

Все это вместе создавало цветовую, отлично подобранную художником гамму.

В этой комнате он писал, работал над сценарием, готовился к лекциям для студентов ВГИКа.

Книги. Книги были его лучшими друзьями.

Вторая комната была библиотекой.

Он ценил общение с людьми искусства широкого мира. На стене висели портреты с личными надписями Чарли Чаплина, Поля Робсона, Эйнштейна, Абеля Ганса, Асты Нильсен и других.

Комната была заставлена вдоль стен книжными шкафами с широкими полками. Книги уложены в два-три ряда на каждой полке.

Комната не вмещала всех книг. Они лежали всюду, в каждой комнате в шкафах и в ящиках в неразобранном виде.

Несколько тысяч томов на русском, английском, немецком, французском, итальянском и других языках. Многими языками он владел свободно, в совершенстве, как своим родным русским языком. Это давало ему возможность читать лекции и доклады по искусству в Кембриджском университете, в Париже, Нью-Йорке и Голливуде. Слушателей всегда поражала свобода, с какой он говорил на языке той страны, в которой выступал.

Много уникальных книг. Литература, поэзия, монографии о живописи всех народов. Много монографий об искусстве Китая, Индии и Мексики. Книги по архитектуре. <…>

Большой и глубокий интерес он проявлял к изучению философии и психологии.

Все изучалось глубоко. Нет книги без его личных пометок и вкладных листков. Его феноменальная память, исключительная способность к обобщению прочитанного помогли ему стать на редкость образованным человеком.

Библиотека. Эта комната была его интеллектуальной лабораторией. Он проводил за чтением многие часы. Комната с темно-синей окраской стен, с мягким красным ковром, заглушающим шаги, с круглым столом, покрытым зеленой вышитой золотом парчой, со старинными английскими креслами и диваном. Над диваном соломенный мексиканский ковер. Своеобразный узор со сквозным просветом. Все в этой комнате — и спокойные тона красок, и блестящие корешки переплетов книг — располагало к вдумчи-

Together all this created a color palette, perfectly coordinated by the artist.

In this room he wrote, worked on scripts and prepared lectures for his students at VGIK.

Books. Books were his best friends.

The second room was a library.

He valued the companionship of artists from all over the world. On the wall there hung portrait photos with personal inscriptions by Charlie Chaplin, Paul Robeson, Einstein, Abel Gance, Asta Nielsen, and others.

The walls of the room were lined by bookcases with wide shelves. The books stood two or three deep on each shelf.

The room could not hold all the books. They lay unsorted everywhere, in every room, in bookcases and in boxes.

There were several thousand volumes in Russian, English, German, French, Italian, and other languages. He spoke many of these languages fluently, his command of them was perfect, like that of his native Russian. This made it possible for him to give lectures and speeches on the arts at the University of Cambridge, in Paris, New York, and Hollywood. His listeners were always struck by the freedom with which he used the language of the country where he was speaking.

There were many unique books: literature, poetry, monographs on the painting of every nation. Many monographs on the arts of China, India, and Mexico. Books on architecture. <...>

He showed great and profound interest in the study of philosophy and psychology.

He studied everything in depth. No book lacked his marginalia and notes written on separate pieces of paper. His phenomenal memory and his exceptional ability for synthesizing what he had read helped him to become an exceptionally well-educated person.

The library: this room was his intellectual laboratory. He spent a great many hours reading. The room had dark blue walls, a soft red carpet that muffled the sound of steps, a round table covered with a green brocade embroidered with golden thread, old English armchairs, and a sofa. Over the sofa, there hung a Mexican rug made out of straw. It had a peculiar openwork pattern. Everything in this room, from the muted hues to the shimmering spines of the book bindings, was conducive to reflective reading,

Другие «дома» Сергея Эйзенштейна.

Киностудия. На фото 6 — первая павильонная съемка фильма «Стачка» (1924). Эпизод «Драка за гудок» снимался в ателье 1-й фабрики Госкино (бывшей киностудии А.А. Ханжонкова) на Житной улице.

Студенческая аудитория ВГИКа. На фото 7 — С.М. на занятии со студентами своей мастерской в 1934 году.

Книжный магазин. В каком бы городе ни находился Э., в книжном магазине он был как дома. На фото 8 — книжный магазин в США. В апреле 1932 года, перед возвращением на родину, С.М. просматривает юмористический журнал «Ballyhoo».

Вселенная. Его волновали тайны мироздания. Э. любил и предполагал поместить на авантитул своего труда «Метод» так называемую «Гравюру Фламмариона» (9), на которой изображен средневековый пилигрим, дошедший до «края света» и с любопытством выглядывающий за пределы небосвода, «по ту сторону звезд».

Sergei Eisenstein's other "homes".

The film studio. Photograph 6 shows the first day of indoor filming of *Strike* (1924). The episode of "the fight for the steam whistle" was filmed in the studio of the First Film Factory of Goskino (the former film studio of A.A. Khanzhonkov) on Zhitnaya Street.

The classroom of the State Institute of Cinematography (VGIK). In photograph 7 E is shown at a seminar with the students of his class in 1934.

The bookstore. Whatever city E found himself in, he was at home in the bookstore. Photograph 8 shows E at a bookstore in the US. In April 1932, before returning to his homeland, E browses the humor magazine *Ballyhoo*.

The Universe. He was thrilled by the mysteries of the creation. E loved and intended to place on the foretitle of his work "Method" the so-called "Flammarion Engraving" (9), which depicts a medieval pilgrim who has reached the "edge of the world" and is curiously peeping behind the boundary of the sky, "beyond the stars."

6

7

8

9

вому чтению, к тихому разговору, к раздумью. Он не раз говорил мне, что самое драгоценное в его жизни — это книги. Они — спутники его жизни. С ними он не одинок. Чувство одиночества дали ему пережить некоторые самые близкие люди. Книги никогда ему не изменяли.

Я всегда бывала обрадована, когда он брал меня с собой в книжные магазины на поиски книг. Продавцы встречали его как старого знакомого. Они знали его вкусы. Они прятали для него редко попадающие в продажу издания. Звонили ему по телефону о книжных находках. День покупки книг был для него праздником. Возвращаясь домой, он устраивал праздничный чай. Мы долго перелистывали и оценивали новых друзей, перед тем как поселить их на полки.

Совсем неожиданной была его спальня. Тут он дал волю эксцентриаде, юмору, гротеску — все это было заложено в нем самом. Всем этим он блистательно владел и в веселые минуты умел развлекать и смешить товарищей.

Посреди спальни широкая тахта, покрытая мексиканским ковром причудливого рисунка. Над тахтой такой же ковер. На стене маски — японская, яванская, мексиканская. Негритянская деревянная скульптура. По углам комнаты — деревянные головки ангелов с распростертыми за ними крылышками. У широкого окна — старинный церковный высокий семисвечник, на котором развешаны всех тонов галстуки.

Из каждой экспедиции он привозил какие-нибудь изделия народного искусства: грузинские вышивки, старинные украинские плахты. По черной ткани яркая вышивка цветным шелком и бисером такой красоты, что трудно было оторвать свой взгляд от узоров.

И сколько еще чудесных произведений народного русского искусства, негритянского и Мексики были любовно собраны им. Он любил удивлять товарищей новой редкой книгой, монографией, своим рисунком или новым приобретением для коллекции причудливых вещей»*.

До нас дошли три цветные акварели, на которых зарисованы кабинет, библиотека и спальня. Их сделали художники С.К. Вишневецкая

* *Шуб Э.* Жизнь моя — кинематограф. М.: Искусство, 1972. С. 124—126.

quiet conversation, and meditation. He often told me that the most precious thing in his life were books. They were his true life-long companions. With them, he was not alone. He was forced to experience loneliness because of some of the people closest to him. Books never betrayed him.

I was always delighted when he took me with him to bookstores in search of books. The booksellers greeted him as an old acquaintance. They knew his tastes. They saved him books that were rarely on the market. They called him on the phone about their book finds. Book-buying day was a holiday for him. On returning home, he set up a festive tea-party. We slowly leafed through the pages and evaluated the new friends before finding them a new home on the shelves.

Eisenstein's bedroom was a complete surprise. Here, he gave vent to eccentricity, humor, and grotesque: all this was innate to him. He possessed a sparkling sense of humor and in light-hearted moments was able to entertain his friends and make them laugh.

In the middle of the bedroom stood a broad ottoman, covered with a Mexican carpet with an intricate design. Above the ottoman, hung another carpet of the same design. On the wall hung masks — Japanese, Javanese, and Mexican. There was African wooden sculpture. In the corners of the room hung wooden angel heads with little wings spread out behind them. By the broad window there stood an antique ecclesiastical candelabrum with seven candles, on which there hung neckties of every color.

From every film trip he brought some pieces of folk art: Georgian embroideries, old handmade Ukrainian cotton fabrics. Brightly-colored silk and bead embroidery over black fabric were of such beauty that it was difficult to tear your eyes from the patterns.

And how many more wonderful works of folk art had he collected — Russian, African and Mexican. He liked to surprise his friends with a new rare book, a monograph, his own drawing, or with a new acquisition for his collection of whimsical things."*

Three watercolor drawings survive showing study, library and bedroom. They were made by the

* *Esfir' Shub.* Zhizn' moia — kinematograf. Moscow: Iskusstvo, 1972, pp. 124—26.

и Г.А. Гривцов в феврале 1948 года, сразу после кончины Эйзенштейна. Запечатлеть «авторский» облик трех комнат в те же дни успели и кинематографисты: существует хроникальная съемка квартиры на Потылихе, негатив которой ныне хранится в Российском государственном архиве кинофотодокументов. К сожалению, мы мало что знаем о прихожей, о кухне и о буфетной (где жила домработница Эйзенштейна, строгая и прямодушная тетя Паша из Сергиева Посада). Но есть несколько зарисовок, сделанных самим Эйзенштейном в конце 1941 года: по ним видно, что даже в коридоре и буфетной были стеллажи с книгами. В кухне и в буфетной, названной так по стоявшему там шкафу-витрине, хранилась посуда Эйзенштейна: любимые темно-синие кобальтовые чашки с блюдцами (не из них ли поил он чаем Эсфирь Шуб после похода за книгами?), кобальтовые же чайник в форме стилизованной наседки (работы скульптора Сарры Лебедевой) и кувшин в форме курицы; маленькие чайник и чашка 1920-х годов с супрематическим рисунком; праздничный, белый с розовыми цветами обеденный сервиз конца XIX века, еще из приданого матери Сергея Михайловича — Юлии Ивановны Конецкой-Эйзенштейн; белые с синей каймой тарелки из другого обеденного сервиза, который, в отличие от праздничного, в доме называли «обыденным»...

На входной двери висела табличка: «Профессор С.М. Эйзенштейн». Но этот дом, конечно, мало походил на типичную московскую «профессорскую квартиру» тех лет, обставленную тяжелой мебелью. Вместо традиционного славянского шкафа и массивных дубовых книжных шкафов — открытые стеллажи, изготовленные по заказу режиссера плотниками «Мосфильма». Именно их имеет в виду Эсфирь Шуб, когда говорит о «книжных шкафах с открытыми полками». А упомянутая ею «металлическая, легкая, подвижная» мебель — это столы, стулья, кресла, пюпитры оранжевого и черного цвета в стиле баухауз (Bauhaus) на гнутых стальных хромированных трубках. Их можно свободно двигать по светло-серому, почти белому линолеуму (неслыханное новшество: белый пол, к тому же — первый линолеумный пол в Москве!). Комплект мебели в стиле баухауз появился в доме не сразу.

artists S.K. Vishnevetskaya and G.A. Grivtsov in February 1948, immediately after Eisenstein's death. At the same time, filmmakers also managed to capture the "author's version" of the appearance of the three rooms: there is newsreel footage of the apartment on Potylikha, the negative of which is now stored at the Russian State Documentary Film and Photo Archive. Unfortunately, we know little about the hallway, the kitchen, and the buffet (occupied by Eisenstein's housekeeper, a strict and straightforward peasant woman Pasha from Sergiev Posad). But there are a few sketches that Eisenstein himself made at the end of 1941: they show that there were shelves with books even in the corridor and the buffet. The kitchen and buffet, which got its name from the china cabinet placed there, held Eisenstein's dinnerware: his favorite dark blue cobalt cups and saucers (was it out of them that he drank tea with Esfir' Shub after their book trips?), a cobalt teapot in the form of a stylized broody hen (designed by the sculptor Sarra Lebedeva) and a matching pitcher in the form of a chicken; a small teapot and a cup made in the 1920s with a Suprematist ornament; a festive dinner service of the late 19th century, white with pink flowers, that derived from the dowry of Eisenstein's mother, Yulia Ivanovna Konetskaya-Eisenstein; plates, white with a blue border, from another dinner set, which, in contrast to the festive one, was referred to as "the everyday one" in the household...

On the entrance door hung a sign: "Professor S.M. Eisenstein." But this house, of course, bore faint resemblance to a typical Moscow "professor's apartment" of that period, populated with heavy furniture. Instead of the traditional "Slavic wardrobe" and massive oak bookcases, there were open shelves custom-built for the director by the Mosfilm carpenters. Esfir' Shub refers to them when she speaks of the "bookcases with open shelves." The "metal, light, and mobile" furniture that she mentions are the tables, chairs, armchairs, and music stands in orange and black in the Bauhaus style on bent steel chrome-plated tubes. They can be easily moved over the light gray, almost white linoleum (an unheard-of innovation: a white floor, moreover the first linoleum floor in Moscow!). A set of Bauhaus furniture did not appear in the house immediately. Moving into the new house in 1935, Eisenstein designed his own armchairs and stools in the

Въезжая в новый дом в 1935 году, Эйзенштейн сделал собственный проект кресел и табуретов в конструктивистском стиле: строгие геометрические формы, сочетание в окраске желтого, черного и белого цветов. Мы не знаем, в какой степени этот проект был осуществлен. Сохранились лишь зарисовки. Образцами служили, несомненно, дизайнерские опыты 1920-х годов. Эйзенштейн не только знакомился с ними по журналам и книгам, но и лично встречался со многими советскими и зарубежными мастерами конструктивизма.

Солнечно-желтый колорит стен дополнялся ярко-синим шаром люстры из «ломоносовского стекла». Сергей Михайлович скомбинировал ее из двух элементов: бронзового основания от люстры XIX века и синего шара от дворцового светильника XVIII века. Любимое цветовое сочетание Мастера: солнечный и синий, цвета Ван Гога и «цвета Вселенной».

Царили в доме книги. Хозяин писал о них:

«Они роковым образом берут меня в кольцо.

Когда-то одна лишь комната мыслилась опоясанной книгами.

Но шаг за шагом комната за комнатой начинают обвиваться книжным обручем.

Вот после "библиотеки" охвачен кабинет, вот после кабинета — стенки спальни...

...Кажешься сам себе новым святым Себастьяном, пронизанным стрелами, идущими с полок.

А черепной коробкой кажется уже не маленький костяной шарик, включающий осколки отражений, как монада Лейбница, отражающая [первосущество], но [ею] рисуются наружные стены самой комнаты, а слои книг, распластанные по их поверхности, — лишь расширяющимися наслоениями внутри самой головы»*.

Дом Мастера во многом был автопортретом самого Эйзенштейна.

* *Эйзенштейн С.М.* Мемуары. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997. Т. 1. С. 273—274.

Constructivist style: austere geometric forms, the combination of yellow, black, and white colors. We do not know to what extent this project was implemented. Only sketches have survived. They were undoubtedly modeled on design experiments of the 1920s. Eisenstein not only got acquainted with them through magazines and books, but met many Soviet and foreign masters of Constructivism in person.

The sunshine yellow coloring of the walls was complemented by a bright cobalt blue ball of the chandelier made out of "Lomonosov glass." Eisenstein fashioned it from two parts: the bronze base of a 19th century chandelier and a blue ball of a palace lamp of the 18th century. The result was the Master's favorite color combination: the sunny yellow and dark blue, the colors of Van Gogh and the "colors of the universe."

The books pervaded the house. The owner wrote about them:

"They have me in their grasp in a fateful fashion. At one time it was intended that just one room in my home should be lined with books.

But step by step, room after room began to be encircled with a ring of books. And so after the library my study was occupied; after the study, the walls of my bedroom... <...>.

You seem a new St. Sebastian, pierced by arrows from the shelves. And your skull no longer seems a small, bony sphere, containing the fragments of reflections, like Leibniz's monad that reflects [the primary substance], but appears like the outer walls of the room itself, and the layers of books that spread over their surface are only the expanding strata within one's own head"*.

The Master's House was in many ways Eisenstein's self-portrait.

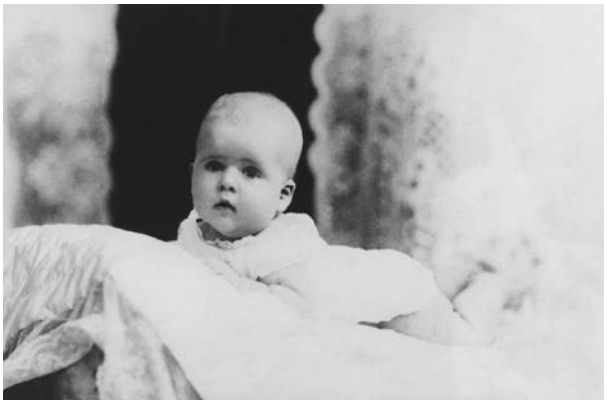
* *Immoral Memories. An Autobiography by Sergei M. Eisenstein.* Translated by Herbert Marshall. Boston: Houghton Mifflin Co, 1982, p. 184—85. Translation amended.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Рига — Петроград, 1898—1917

CHILDHOOD AND YOUTH

Riga — Petrograd, 1898—1917



1

Сергей Эйзенштейн родился в Риге 10 (22) января 1898 года. Его отец Михаил Осипович Эйзенштейн, инженер Лифляндской железной дороги, занимался также архитектурой и построил в Риге немало домов. Улица Альберта (в начале века она называлась по-немецки — Альбертштрассе), почти полностью застроенная М.О. Эйзенштейном, — ныне рижская достопримечательность, образец стиля модерн. Острый взгляд маленького Сережи, впрочем, замечал и комические аспекты пышного декора папенькиных домов.

Мать Юлия Ивановна Конецкая была дочерью купца первой гильдии, владельца петербургского торгового пароходства, родом из Новгородской губернии. В рабочем кабинете Эйзенштейна над книжными стеллажами висели фотопортреты ее родителей, Ивана Ивановича и Ираиды Матвеевны Конецких. А вот фотографий дедушки и бабушки по отцовской линии у Сергея Михайловича не было, он их вообще никогда не видел. Лишь недавно историки выяснили, что родители окончившего Киевское реальное училище Михаила Эйзенштейна жили в украинском городе Белая Церковь, в «черте оседлости». Для исполнения заветной мечты — учиться в Петербурге — юноша принял православие и впоследствии скрывал свое происхождение. Похожим образом поступили и три его брата — Александр, работавший ученым лесоводом, Николай, ставший судебным следователем во Пскове, и Дмитрий — офицер, который погиб на Русско-японской войне.

Благополучный дом, лето на Рижском взморье, поездка в 1906 году с родителями во Фран-

Sergei Eisenstein was born in Riga on January 10 (22), 1898. His father, Mikhail Osipovich Eisenstein, an engineer with the Livonian Railway, also worked in architecture and designed quite a few houses in Riga. Albert Street (at the beginning of the 20th century it was called in German Albertstrasse), which was almost entirely built by M.O. Eisenstein, is now a landmark of the Art Nouveau style in Riga. The sharp eye of young Seryozha, however, also noticed the comical aspects of his father's buildings' luxuriant décor.

Eisenstein's mother, born Yulia Ivanovna Konetskaya, was the daughter of a First Guild merchant, the owner of a St. Petersburg shipping company, who was originally from the Novgorod province. In Eisenstein's study, over the bookshelves, there were portraits of her parents, Ivan Ivanovich and Iraida Matveevna Konetsky. But there were no photos of his paternal grandparents, Sergei Mikhailovich never even met them. Only recently, historians discovered that the parents of Mikhail Eisenstein, who graduated from the Kiev Realschule, lived in the Ukrainian city of Belaya Tserkov, in the Pale of Settlement. To fulfill his dream, to study in Petersburg, the young man converted to Orthodoxy and subsequently concealed his origins. His three brothers did the same: Alexander, who worked as a forester; Nikolai, who became an examining magistrate in Pskov; and Dmitry, an officer who died in the Russo-Japanese War.

A well-to-do family, summers on the Riga seashore, a trip to France with his parents in 1906, where Rorik (the parents' pet name for Seryozha) saw a movie for the first time, a féerie by Georges Méliès... Throughout his life, his memory will pre-

На шмуцтитуле: лаковая коробочка, в которую Юлия Ивановна вложила пряди волос маленького Сережи и его первое фото; один из ранних фотопортретов Рорика.

Первый фотопортрет Э. (1) был снят в Риге в мае 1898 года. На нем маленькому Сереже идет пятый месяц.

В рижском фотоателье Рорик сфотографирован с отцом (2). С.М. вспоминал, что в детстве всегда ориентировался на строгого Папеньку, что позже не могло не привести к бунту против «тирании Отца».

Вероятно, этот же фотограф снял Сережу с матерью (3). Видно, как сын похож на маму и как он ее любит.

На фото 4 мальчик тоже не один. С ним его лучший друг — книга. Родом из книги и его наряд: он одет как «маленький лорд Фаунтлерой» по распространенной в те годы моде, навеянной одноименным детским романом популярной писательницы Фрэнсис Ходжсон Бёрнетт.

2

On the section title page: the lacquered box, in which Yulia Ivanovna kept a lock of little Seryozha's hair and his first photograph; one of Rorik's early photo portraits.

E's first photo portrait (1) was taken in Riga in May 1898. In it, little Seryozha is about 5 months old.

E photographed with his father in a Riga photo studio (2). E later recalled that, as a child, he always looked up to his strict Papa, which later could not but lead to a revolt against the "tyranny of the Father."

The same photographer probably took the photo of Seryozha with his mother (3). It is clear from it how much the son resembles his mother and how much he loves her.

In photo 4, the boy is also not alone. He has with him his best friend, a book. His outfit comes straight off the page as well: he is dressed like a "little lord Fauntleroy" in accordance with prevalent fashion of the time, inspired by the eponymous children's novel by Frances Hodgson Burnett.

3

4

цию, где Рорик (так мать звала Сережу) впервые увидел кино — феерию Жоржа Мельеса… Всю жизнь его память будет хранить не только образ счастливого детства, но и травму отрочества.

Сереже было десять лет, когда его родители разъехались. А в 1912 году, после того как суд установил факт «прелюбодеяний» Юлии Ивановны, Священный Синод разрешил развод Михаила Осиповича с супругой и оставил сына с отцом.

В 1915 году Сережа поступил в Институт гражданских инженеров и перебрался к матери в Петроград, на Таврическую улицу. Михаил Осипович, который своими трудами дослужился до действительного статского советника (что соответствует чину генерала), мечтал, чтобы сын пошел по его стопам. Вероятно, так бы и было, если бы не революция 1917 года, круто повернувшая столько судеб. Инженером Эйзенштейн не стал, но изучение точных наук, как он утверждал, дисциплинировало его ум, что помогало и в творчестве, и в теоретическом осмыслении художественных проблем.

Отец не только дал сыну отличное образование, но и обеспечил социальный статус, о котором после революции лучше было не упоминать. Сохранился нагрудный знак попечителя Мариинской барачной лечебницы, на обороте имя: Михаил Эйзенштейн. Михаил Осипович отдавал немало сил и средств благотворительности. На этом основании, а также как «городовой архитектор по чину» он получил в 1916 году потомственное дворянство. Оставалось утвердить герб рода Эйзенштейнов. Его проект Михаил Осипович прислал 10 октября 1917 года в Петроград из города Юрьева (ныне Тарту), куда он переехал из занятой германскими войсками Риги. 22 ноября Сенат в Петрограде был упразднен декретом Совнаркома, но некоторые чиновники еще приходили на работу. Герб Эйзенштейнов был рассмотрен на заседании Гербового отделения Сената 29 ноября 1917 года, но утвердить его положенным порядком не успели.

Сергей Эйзенштейн, волею судеб один из последних дворян Российской империи, мог обсуждать с отцом проект родового герба. Есть свидетельство встречи Михаила Осиповича с сы-

serve not only the image of a happy childhood, but also the trauma of adolescence.

Seryozha was ten when his parents separated. In 1912, after a court found Yulia Ivanovna guilty of adultery, the Holy Synod sanctioned the divorce of Mikhail Osipovich and his wife and awarded custody of the son to his father.

In 1915, Sergei enrolled at the Institute of Civil Engineers and joined his mother in Petrograd, on Tavricheskaya Street. Mikhail Osipovich, who, through his own efforts, rose to the rank of Active State Councilor (which corresponded to the rank of General), hoped that his son would follow in his footsteps. He probably would have, if it were not for the Revolution of 1917, which abruptly changed so many destinies. Eisenstein did not become an engineer, but the study of the exact sciences, he claimed, had disciplined his mind, which helped both in his art and in his theoretical reflections on questions of art.

The father not only gave his son an excellent education, but had also ensured that he had a social status which, after the Revolution, was better not to mention. There survives the lapel pin of a trustee of the barracks hospital of the Princess Maria (Mariinsky) that bears on its reverse side the name Mikhail Eisenstein. Mikhail Osipovich gave much energy and money to charity. Because of this, and also as a "city architect by rank," in 1916 he was awarded hereditary nobility. The only thing remaining was to approve the Eisenstein coat of arms. Mikhail sent a draft of its design to Petrograd from the town of Yuryev (now Tartu), where he'd moved from German-occupied Riga, on October 10, 1917. On November 22, the Senate in Petrograd was abolished by the decree of the Council of People's Commissars, but some officials still continued coming to work. The Eisenstein coat of arms was discussed at the meeting of the Armorial Office of the Senate on November 29, 1917, but they did not have time to grant official approval.

Having become by a quirk of fate one of the last noblemen of the Russian Empire, Sergei Eisenstein could have discussed the draft of the family coat of arms with his father. There is evidence of a meeting between Mikhail Osipovich

Летом семья Эйзенштейнов жила в пансионе на Рижском взморье. Туда же приезжала отдыхать семья московского врача Макса фон Штрауха, с сыном которого Сережа подружился.
На любительской фотографии, снятой во второй половине 1900-х на пляже Рижского залива (5), запечатлены Рорик и Мака (Максим) Штраух, в будущем — известный актер и соратник С.М.

Дружил Сережа и с Алешей Бертельсом, сыном генерала Остапа Бертельса, командующего армейским корпусом в Риге.
На фото, сделанном около 1910 года, Сережа (слева) и Алеша катаются на велосипедах по аллее на Рижском взморье (6). В будущем Алексей Остапович станет биологом-фитопатологом, сподвижником Н.И. Вавилова. В 1930-е годы его не минуют сталинские репрессии. С.М. будет посылать ссыльному другу продукты и деньги, поддерживая его не только материально, но и морально.

Юлия Ивановна подарила сыну фотоаппарат, с которым Рорика на дюне снял кто-то из соседей или родственников (7). Сережа еще не подозревает, что всю взрослую жизнь будет дружить с объективом и пленкой.

5

6

7

In the summer, the Eisensteins lived in a boarding house on the Riga seashore. This was also the vacation place for the family of a Moscow doctor Max von Strauch (Shtraukh), whose son became Seryozha's friend. An amateur photograph taken in the second half of the 1900s on a beach in the Gulf of Riga (5) shows Rorik and Maka (Maksim) Shtraukh, the future well-known actor and a close colleague of E.

Sergei was also friends with Alyosha Bertels, the son of General Ostap Bertels, commander of the Army Corps in Riga.
In this photo taken around 1910, Seryozha (left) and Alyosha are riding their bicycles along an alley on the Riga seashore (6). Subsequently, Aleksei Ostapovich Bertels would become a biologist, specializing in phytopathology, and was an associate of Nikolai Vavilov. In the 1930s, he fell victim to Stalin's repressions. E sent food and money to his friend in exile, thus supporting him not only financially, but morally as well.

Yulia Ivanovna gave her son a camera, with which a neighbor or relative captured Rorik sitting on a dune (7). Seryozha does not yet suspect that he would spend his whole life with cameras.

ном осенью 1917-го: книга с его дарственной надписью.

Известно, что отец предлагал сыну отправиться с ним в эмиграцию, но Сережа отказался.

В 1918 году Михаил Осипович уехал в Германию. В июне 1920-го его не стало. И именно тогда Сергей Михайлович принял решение, определившее его личную и творческую свободу: оставить архитектуру и уйти в театр. Но, ослушавшись отца в выборе судьбы, он всегда оставался достойным сыном.

В Берлине, на русском кладбище в Тегеле, до сих пор в порядке содержится могила Михаила Эйзенштейна. Деньги на уход за ней — как говорят служители — приходят с какого-то счета, открытого в США. По всей вероятности, именно Сергей Михайлович, подписав в 1930 году контракт в Голливуде на неплохих финансовых условиях, положил в банк сумму, проценты с которой поныне идут в Германию на уборку могилы отца.

Из вещей Михаила Осиповича сохранилось немного (обстановка рижского дома, коллекции и библиотека были утрачены). По преданию, ему когда-то принадлежал большой французский дорожный кофр, обитый кожей. С ним впоследствии путешествовал сам Сергей Михайлович — сначала по Европе, потом в Америку, с ним вернулся домой. Брал он с собой и старинный, обтянутый деревянными обручами чемодан (судя по клейму, сделанный в Киеве) с выведенными на нем инициалами «JE». Не означают ли эти инициалы «Joseph Eisenstein»? Не получил ли этот чемодан Михаил Осипович, уезжая учиться в Петербург, в подарок от своего отца, а потом передал сыну? Можно лишь догадываться…

С отцом, любившим лошадей и верховую езду, видимо, связана и раскрашенная репродукция картины У.Дж. Шейера «Лорд Уильям», которая впоследствии висела у Сергея Михайловича, как мы предполагаем, на даче.

Из вещей Юлии Ивановны до нашего времени дошло гораздо больше. Из Риги обратно в Петербург, а в 1935 году — из Ленинграда в Москву она перевезла свое приданое. Кроме парадного сервиза, сохранился солидный дубовый гарнитур — круглый раздвижной стол и стулья с резными спинками. Юлии Ивановне принадлежали два

and his son in the autumn of 1917: a book inscribed by the father to the son.

There is evidence that the father offered his son to emigrate with him, but Seryozha refused.

In 1918, Mikhail Osipovich left for Germany. He died in June, 1920. And it was at that moment that Sergei Mikhailovich made a decision that determined his future personal and creative freedom: to abandon architecture and go into the theater. But, despite disobeying his father in the choice of profession, he always remained a worthy son.

At the Russian cemetery in the Tegel neighborhood in Berlin, the tomb of Michael Eisenstein remains in good condition. The money to tend it, according to the cemetery workers, come from some account in the United States. In all likelihood, it was Sergei Mikhailovich, who, having in 1930 signed a Hollywood contract on advantageous financial conditions, was able to deposit a certain amount, the interest from which still goes to Germany for the upkeep of his father's grave.

Not many of Mikhail Osipovich's belongings have been preserved; the furniture of the apartment in Riga, his collections and library were all lost. According to legend, he once had been the owner of a large French leather-upholstered trunk. Sergei Mikhailovich traveled with it afterwards, first around Europe, then to America, and then brought it back home. He also took with him an ancient suitcase bound with wooden hoops (judging by the label, it had been made in Kiev) with the initials "JE" inscribed on it. Do these initials perhaps mean "Joseph Eisenstein"? It is possible that Mikhail Osipovich received this suitcase when he left to study in Petersburg, as a gift from his father, and later handed it over to his son? One can only guess...

A great lover of horses and horseback riding, Eisenstein's father is evidently linked to a color reproduction of the painting "Lord William" by William J. Shayer that later belonged to Sergei Mikhailovich; we suspect that it hung in his summer house.

Of Yulia Ivanovna's possessions, many more things have survived to our day. She took her dowry with her from Riga back to St. Petersburg, and in 1935, from Leningrad to Moscow. In addi-

кошелечка: кожаный, с тисненым узором, и бархатный рукодельный — с вышивкой. К ее вещам относится, возможно, и инкрустированный костяной нож для разрезания книжных страниц: Юлия Ивановна любила чтение, сама пробовала писать. Другой нож для книг — металлический, в форме гондолы, с изображением льва святого Марка, — скорее всего, материнский подарок сыну, привезенный из Венеции. Как и деревянный резной пенал в виде льва (им пользовался Эйзенштейн-подросток). Из Италии привезена французская книга о Рафаэле.

Первой самостоятельно купленной книгой в жизни Эйзенштейна был томик с рисунками Оноре Домье. Острая ирония, лаконизм социальных характеристик, динамичная линия великого французского художника оказали влияние на рисунки подростка и позже откликнулись в кадрах Эйзенштейна-режиссера. Оттиски гравюр Домье он будет собирать всю жизнь.

Родители поощряли увлечение сына искусством. Благодаря библиотеке рижского дома Сережа знакомился с сокровищами мировой культуры. Позже, покупая книги об искусстве, Сергей Михайлович отчасти «возвращал» себе утраченные издания из отцовской коллекции. Следуя примеру родственников по материнской линии, генерала А.Д. Бутовского и его супруги, которые всю жизнь занимались собиранием графики, Эйзенштейн с юношества начал собирать собственную коллекцию. Большинство оттисков из собрания Эйзенштейна были переданы П.М. Аташевой в ГМИИ имени А.С. Пушкина, но оставшиеся в Доме Мастера листы, в том числе подлинники и репродукции работ Калло, Буайи, Домье, Пиранези, Посады, Утамаро, свидетельствуют о любви режиссера к экспрессивной композиции, к заостренной выразительности физиономий и жестов в произведениях великих графиков. Все, что собирал Сергей Михайлович, подсказывало ему решения на разных уровнях работы над фильмом — от декораций, костюмов и мимики персонажа до композиции кадров и монтажа.

К первым творческим опытам Эйзенштейна относятся его детские рисунки (ныне хранятся в РГАЛИ). Активно рисовать Сережа начал с 14 лет, часто украшал рисунками письма к матери, разрис-

tion to the festive dinner set, there remains a massive oak furniture set: a round expandable table and chairs with carved backs. Yulia Ivanovna used to own two little purses: a leather one with an embossed pattern, and a velvet handmade one with embroidery. An inlaid ivory paper knife might also have been among her belongings: Yulia Ivanovna loved reading and tried her hand at writing herself. Another paper knife, made of metal in the form of a gondola with the image of the lion of Saint Mark, was most likely a gift from mother to son, brought from Venice. The same goes for a wooden carved pencil case in the form of a lion (it was used by Eisenstein in adolescence). A French book about Raphael was also brought from Italy.

The first book in Eisenstein's life that he bought on his own was a volume of drawings by Honoré Daumier. The great French artist's acute irony, laconic social caricatures, and dynamic line influenced the drawings of the teenager and later echoed the director's frames. He collected Daumier's prints throughout his life.

Eisenstein's parents encouraged their son's love of art. Seryozha owed his acquaintance with the treasures of world culture to the family library in Riga. Later, when buying books about art, Eisenstein "retrieved" some of the lost editions from his father's collection. Following the example of his maternal relatives, General A.D. Butovskii and his wife, who collected graphic art all their lives, Eisenstein began to build his own collection when still a young man. Most of the prints from Eisenstein's collection were given by Pera Atasheva to the Pushkin Museum of Fine Arts, but the plates that remain in the Master's House, including original works and reproductions of the works of Callot, Boilly, Daumier, Piranesi, Posada, and Utamaro, testify to his love for vivid composition, for the sharpened expressiveness of faces and gestures in the works of the great graphic artists. Everything that Eisenstein collected, suggested to him decisions at different levels of film production: from sets, costumes, and characters' facial expressions to shot composition and editing.

Among Eisenstein's first creative attempts are his childhood drawings (now kept in RGALI). Seryozha

совал и подаренную ему в отрочестве теннисную ракетку, которая сохранилась до наших дней.

Уже учась в институте, Эйзенштейн попробовал силы как художник-карикатурист: вскоре после Февральской революции «Петербургская газета» опубликовала две его карикатуры.

25 октября, улизнув из Школы прапорщиков инженерных войск, Сергей отнес пачку карикатур на Керенского в газету «Биржевые новости». Потом на трамвае — мимо Александровского сада и Зимнего дворца — отправился на Таврическую. Дома он уселся за разборку выписок о французской графике, сделанных в Публичной библиотеке...

Позже в мемуарах Эйзенштейн вспоминал тот вечер:

«Где-то в городе далеко стреляли как будто больше обыкновения.

У нас на Таврической было тихо.

Ложась спать, я педантично вывел на заметках дату, когда они были приведены в порядок.

25 октября 1917.

А вечером дата эта уже была историей.

Съемками в Зимнем дворце я нагоняю упущенный кусок истории из собственной биографии»*.

Настанет время — и сам фильм Эйзенштейна «Октябрь», как и другие творения Сергея Михайловича, станет частью истории.

* *Эйзенштейн С.М.* Мемуары. Т. 1. М., 1997. С. 57.

began to draw actively at about 14; he often decorated his letters to his mother with drawings; he also painted the tennis racquet that was given to him in adolescence; it has survived to this day.

While studying at the Institute, Eisenstein tried his hand as a caricature artist: shortly after the February Revolution *St. Petersburg Gazette* published two of his caricatures.

On October 25, 1917, having skipped classes at the School of Military Engineers, Sergei took a batch of his anti-Kerensky caricatures to the *Stock Exchange Gazette*. Then he rode the tram past the Alexander Garden and the Winter Palace to Tavricheskaya St. At home he sat down to sort through the notes on French graphic art he had made at the Public Library...

Later, in his memoirs, Eisenstein remembered that evening: "Somewhere far off in the town there was more than the normal amount of gunfire, but all was quiet near us on Tavricheskaya Street.

As I went to bed, I pedantically recorded the date that the notes had been put in order: October 25, 1917.

By the next evening the date was already history.

Shooting [the film *October* in 1927] in the Winter Palace, I was able to catch up with a piece of history missing from my own biography."*

Later Eisenstein's *October* will itself, just like Sergei Mikhailovich's other works, become part of history.

* *Immoral Memories. An Autobiography by Sergei M. Eisenstein.* Translated by Herbert Marshall. Boston: Houghton Mifflin Co, 1982, p. 55. Translation amended.

На коллективном фото студент Э. (в середине второго ряда, пятый справа) в классе рисования (8). С.М. признавался, что классическое рисование «гипсов» с тенями и оттушевками не давалось ему.

In this group photo of his class in drawing, E is in the middle of the second row, the fifth from the right (8). E later confessed that he had struggled with the classical drawing of plaster casts with the requisite shadows and stumping.

8

Зато еще в отрочестве Сережа овладел искусством рисования одной линией — по примеру сослуживца Папеньки, инженера Афросимова, который мелком на темно-синем сукне ломберного стола рисовал ему одной линией фигурки зверей. На страницах тетрадей Рорика часто появлялись рисованные рассказы из нескольких последовательных изображений. Подросток, еще не думая о работе в кино, мыслил динамичными «кадрами».
В 1917 году Сережа нарисовал шок своего дяди-генерала, умершего от сердечного приступа в день национализации военных займов (9). По сути, случай печальный, однако острый ум Сережи-карикатуриста не мог не подметить исторический комизм в реакции дяди-богача и в поведении «гражданской милиции».

Воссоздавая спустя десять лет «театр истории» в фильме «Октябрь», Э. вспоминал виденное собственными глазами. Голодные очереди, разгон июльской демонстрации, костры революционных патрулей преобразились в графически выразительные кинокадры (10—12).

9

10

11

12

At the same time, while still a teenager, Seryozha mastered the art of drawing with an unbroken line, following the example of one of his father's colleagues, the engineer Afrosimov, who had drawn animals for him with chalk on the dark-blue cloth of the card table. Little graphic stories composed from several successive images often appeared on the pages of Rorik's notebooks. Although he was not yet planning a career in cinema, the teenage Eisenstein was already thinking in terms of dynamic "shots."
In 1917, Seryozha depicted the shock of his uncle the General, who died of a heart attack on the day that war bonds were nationalized (9). The occasion was sad, of course, but the keen mind of the cartoonist could not help but notice that the reaction of his rich uncle and the behavior of the "citizens militia" were, historically speaking, comical.

Ten years later, recreating the "theater of history" in his film *October*, E remembered what had seen with his own eyes. The hungry queues, the dispersal of the July demonstration, the bonfires of revolutionary patrols were transformed into pictorially expressive shots (10—12).

13

Рорик с родителями на фоне рисованного моря. С.М. держал на письменном столе эту фотографию (13), сделанную в 1899 в фотоателье поселка Майоренхоф (ныне — Майори, часть Юрмалы) под Ригой. Юлия Ивановна и Михаил Осипович Эйзенштейн венчались в 1897 в Санкт-Петербурге, где жила семья Конецких. Благословлял родителей на бракосочетание не кто иной, как протоиерей Иоанн Кронштадтский (ныне причисленный к лику святых).

Крестильный носочек Э. (14, 15) был сохранен семьей его двоюродного брата — тоже Сергея, сына Николая Осиповича Эйзенштейна. Оба носочка были посланы во Псков в 1912 году к рождению кузена. Один из носочков впоследствии потерялся. Вдова Сергея Николаевича принесла второй на Смоленскую в начале 1970-х перед эмиграцией с дочерью в США. Сам Сергей Николаевич был репрессирован в 1942 году.

14, 15

Rorik with his parents against the backdrop of a painted sea. E kept this photograph (13), made in 1899 in Majorenhof near Riga (now Majori, part of Jūrmala), on the desk. Yulia Ivanovna and Mikhail Osipovich Eisenstein were married in 1897 in St. Petersburg, where the Konetsky family lived. The wedding of E's future parents was officiated by none other than Archpriest John of Kronstadt (now canonized).

One of E's baptismal socks (14, 15) was preserved in the family of his cousin, also Sergei, the son of Nikolai Osipovich Eisenstein. Both socks were sent to Pskov in 1912 for his cousin's birth. Afterwards, one of the socks was lost. The widow of Sergei Nikolaevich brought the second one to the Smolenskaya St. apartment in the early 1970s, before emigrating with her daughter to the United States. Sergei Nikolaevich Eisenstein fell victim to Stalinist repression in 1942.

16

17

18

С.М. не застал в живых своего деда Ивана Ивановича Конецкого, но его фотография (16) висела в рабочем кабинете на Потылихе. Была у Э. и фотография его бабушки — Ираиды Матвеевны Конецкой (18). Фото Юлии Ивановны (17) было снято в 1900 году (раскрашенный оригинал находится в РГАЛИ, черно-белая копия в 1960-е была вставлена в фамильную рамку).
В свадебное приданое Ю.И. Конецкой, привезенное в Ригу из Санкт-Петербурга, входил добротный мебельный гарнитур: раздвижной обеденный стол и стулья (19). Э. в мемуарах (цит. изд., т. 2, с. 115) вспоминал о торжественных приемах в родительском доме: «...раздвигался обычно круглый обеденный стол на все двенадцать досок. Он занимал столовую во всю длину. <...> Сейчас он стоит у меня дома на Потылихе, снова круглый, как в [первый] день мироздания, — в том, что я называю своей «библиотекой».

19

Шкаф-витрина (20) был построен, по преданию, под наблюдением Юлии Ивановны для ее квартиры в Санкт-Петербурге и был ею перевезен в Москву в 1935 году. В квартире Э. на Потылихе стоял в буфетной и использовался для посуды. Со времени переезда вещей и библиотеки режиссера на Гоголевский бульвар шкаф стал использоваться как книжный.
Люстра стиля модерн (21) принадлежала Юлии Ивановне и, вероятно, висела в ее квартире на Таврической, а в 1935-м была перевезена в Москву. После смерти Юлии Ивановны люстра попала к ее родственникам, от которых в 1972 году была передана на Смоленскую.
Спинки стульев из свадебного приданого Ю.И. Конецкой (22) украшены резьбой в стиле псевдоготики, характерной для раннего модерна.